

"Я не могу". Цяо Нань с сожалением покачала головой. "Я ученица старшей школы. Моя учеба более тяжелая. У других может быть два месяца летних каникул, но не у меня. Уроки в нашей школе возобновляются на полмесяца раньше, и мы должны участвовать в тренировочных занятиях. Школа также дала нам много домашнего задания. Мне очень жаль".

Для обычного ученика прошла треть летних каникул. Но для Цяо Наня половина каникул была уже позади.

Услышав слова Цяо Наня, все замолчали.

Очевидно, что даже если бы учительница Сяо Цяо хотела остаться в военном лагере, чтобы учить их английскому языку, она не могла этого сделать.

Неужели они позволят учителю Сяо Цяо пожертвовать учебой ради их маленькой страсти? Это было бы отплатить за доброту неблагодарностью!

У всех были добрые намерения. Однако на деле это оказалось неосуществимым.

Возможно, из-за того, что Цяо Нань сказал это перед началом урока, атмосфера была не такой хорошей, как раньше. Тем не менее, все были внимательны и более добросовестны. Это был последний урок, и все особенно дорожили последними мгновениями.

"Спасибо всем за сотрудничество. Вы свободны!"

Цю Чэньси знал, что сегодня последний урок Цяо Нана.

Услышав, что атмосфера в классе Цяо Наня была не такой хорошей, как раньше, Цю Чэньси рассмеялась. Что с того, что Цяо Нань была очень хороша? Она не принадлежала к армии и рано или поздно должна была покинуть это место.

После того, как Цяо Нань уйдет, она останется единственным учителем английского языка в армии.

В то время, независимо от того, сколько людских сердец сможет завоевать Цяо Нань, все в конечном итоге признают ее, Цю Чэньси, единственным учителем. Цяо Нань, безусловно, будет забыт.

Когда она подумала о неверном шаге, который она сделала раньше, чтобы сократить расстояние между паршивыми солдатами и ею, и получить благосклонность дяди Чжая и брата Чжая, Цю Чэньси почувствовала сильное сожаление.

За последние полмесяца Цю Чэньси поняла, что существует огромная разница между тем, что солдаты обращаются к ней как к товарищу Цю, а к Цяо Нань - как к учительнице. Хотя Цяо Нань была очень молода, она настаивала на том, чтобы солдаты называли ее учителем.

Все были друг другу товарищами. Кроме того, обращение "товарищ" не было обычным, но, похоже, стало таковым в ее случае. Это было непохоже на то, когда они обращались к Цяо Нань как к учителю. Хотя Цяо Нань была очень молода, в их тоне всегда чувствовалось уважение, когда они обращались к ней.

При мысли о дифференцированном обращении лицо Цю Чэньси побледнело.

Она была выпускницей колледжа с хорошей репутацией, но в армии к ней относились хуже,

чем к ученице старших классов. Это было так абсурдно!

Ученики из класса Цю Чэньси уже давно ушли, но она намеренно ждала и отказывалась уходить. Она хотела дожидаться, пока придет Цяо Нань.

Увидев Цяо Нань, Цю Чэньси быстрыми шагами подошла к ней. "Цяо Нань, я слышала, что сегодняшний урок был твоим последним. Очень жаль. Но тебе не стоит беспокоиться. Усилия, которые ты приложила, и фундамент, который ты построила, точно не пропадут даром. Я буду продолжать учить солдат".

Когда руководители придут наблюдать за ситуацией в армейском лагере и увидят, что все стало лучше, она будет единственной, кто будет преподавать английский язык в армии. Таким образом, только ей будет принадлежать заслуга прогресса, достигнутого в армии!

Цяо Нань хотел соревноваться с ней?

Она была слишком зеленой!

Ощущение того, что твой тяжелый труд приносит пользу другим, было не очень приятным.

Однако в этот раз, благодаря Цяо Наню, она будет наслаждаться плодами своего труда!

"Правда?" Цяо Нань сразу поняла, что Цю Чэньси намеренно ждала ее.

"Конечно." Цю Чэньси понизила голос. "Цяо Нань, ты тот, кто отказался от тоста только для того, чтобы выпить штрафную. Я уже дала тебе столько шансов.

Очень скоро вы узнаете, к чему приведут разногласия со мной. Ты умный человек и не должен принимать глупых решений. Если ты готова отказаться от брата Чжая и рассказать мне о той женщине, я могу дать тебе последний шанс".

Ей не нравилось, что другие женщины нападали на брата Чжая, особенно Цяо Нань, которому семья Чжая отдавала большее предпочтение, чем той скрытой женщине.

"Спасибо, что даешь мне еще один шанс, но он мне не нужен". Цяо Нань рассмеялся. До этого момента Цю Чэньси отказывалась от своих коварных замыслов. Она полностью понимала это. Однако она не могла понять, почему Цю Чэньси была так уверена в захвате своих учеников.

"Товарищ Цю, я надеюсь, что вы все еще сможете улыбаться, когда наступит завтра. Уже очень поздно. Мне нужно вернуться и отдохнуть. Когда я завтра уеду, мне еще нужно будет полдня ехать на машине. Сегодня я должен хорошо отдохнуть. Спокойной ночи."

"Упрямый." Цю Чэньси презрительно фыркнула.

Это было нормально, что Цяо Нань не был тактичным. В любом случае, именно она должна была заключить сделку.

"Цяо Нань, поторопись, машина уже должна ждать нас". Ши Цин, которая была целеустремленной и быстрой в действиях, уже закончила собирать свой багаж. На самом деле, она не взяла с собой много вещей в армейский лагерь. Она часто приезжала в армию, и вся одежда уже была готова в лагере. Ей нужно было только принести себя.

"Я готова." Цяо Нань застегнула сумку и вытерла пот со лба. "Погода ужасно теплая. Я вся вспотела от одной только физической нагрузки. Как неудобно". В этот момент Цяо Нань

пожелала, чтобы у нее было что-то вроде кондиционера.

Проблема была в том, что кондиционер был крайне редким товаром в эту эпоху.

Ши Цин похлопал Цяо Нань и попросил ее отойти. "Посмотри, какая ты слабая. Забудь об этом. Я помогу тебе донести твою сумку. Цяо Нань, ты определенно выдающаяся в других аспектах, но ты слишком слаба физически. Говоря прямо, что если ты и Чжай..., нет, ты и этот человек поссоритесь?"

Ты не сможешь выиграть у этого человека с твоим объемом легких, не говоря уже о физическом состоянии".

"Спор основывается на интеллекте, а не на емкости легких. Это не то же самое, как если бы они соревновались в перекручивании языка, что тот, кто не сможет продолжить перекручивание языка, проиграет." Цяо Нань потеряла дар речи, поджав губы. Она чувствовала, что аналогия Ши Цин была слишком нереальной.

"Ты действительно не возьмешь машину семьи Чжай обратно? Тетушка Мяо приглашала тебя несколько раз". Ши Цин выглядела угрюмой. Очевидно, что тетушка Мяо очень любила Цяо Нань и даже считала ее своей дочерью. Почему же Цяо Нань сказала ей, что тетушка Мяо была самой большой и сложной проблемой, которую они с братом Чжаем должны были преодолеть? Это было невероятно.

Цяо Нань подошел к Ши Цин и сказал, что они уже могут уходить. "Не уйду. Хозяин был тем, кто послал меня сюда. Если люди из семьи Чжай отправят меня домой, я боюсь, что мой отец даст волю своим мыслям".

"Твой отец знает?"

"Да, знает".

"Ты такая послушная дочь". Она осмелилась рассказать отцу о своей щенячьей любви. Так смело! Но ей это нравилось. "Твой отец не возражал против этого?"

"Он тоже не согласился. Разница слишком велика".

"Это нормальная реакция. Тогда, кто из семьи Чжай знает?"

"Сестра Чжай Хуа знает".

"Сестра Чжай Хуа обязательно поддержит. Она не проблема. ПРОХОДИТЕ." Ши Цин подтолкнул плечо Цяо Нань. "Как обстоят дела с начальником Чжай?"

Посмотрев на занятую Ши Цин уголками глаз, Цяо Нань ответила с головной болью: "Задавая мне такой вопрос, не боишься ли ты, что тебе будет больно, когда ты услышишь ответ?"

"Ах, мне уже было больно раньше. Мой мозг уже давно упал на землю. Остался шрам размером с миску. Как долго ты хочешь, чтобы мне было больно?" Ши Цин намеренно делала вид, что ей все равно. Ладно, она сама напросилась. Было хорошо, если Цяо Нань промолчит. Если бы она сказала, ее сердце разрывалось бы от боли.